

УДК 929(47)"18"
ББК 63.3(2)47
К57

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

В оформлении обложки используется фотография медали
«В память Отечественной войны 1812 года»
©Nikolay 53 / Shutterstock.com по лицензии Shutterstock / Fotodom

Давыдов, Денис Васильевич.

К57 Кодекс чести партизана / Д. Денисов. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024 — 384 с. — *(Путь воина. Свод правил)*.

ISBN 978-5-17-163505-3

Денис Давыдов — генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года, а также легендарный поэт и мемуарист, — был одним из инициаторов и руководителей партизанского движения.

Воспоминания, записки, очерки и статьи Давыдова, вошедшие в книгу, являются важным источником по истории Наполеоновских войн и памятником русской литературы 20–30 гг. XIX века.

В книге опубликован также главный труд Дениса Давыдова «Опыт теории партизанского действия», в котором он оставил теоретическую разработку организации партизанского движения в тылу врага.

В качестве иллюстраций в издании использовались гравюры из книг XIX века, посвященных Отечественной войне 1812 года.

**УДК 929(47)"18"
ББК 63.3(2)47**

ISBN 978-5-17-163505-3

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

1812 ГОД¹

Il y a bien des qualités essentielles pour exécuter dans les circonstances ordinaires des dispositions qu'un autre a arrêtées à la portée d'esprit nécessaire pour, dans un cas imprévu, prendre conseil que de soi-même et discerner d'inspiration de qui est juste et bon, au milieu de l'extraordinaire et de l'irrégulier.

Foi. Guerre de la péninsule, t. IV²

...cette guerre de partisans, si difficile, si périlleuse, si active pour laquelle il faut être continuellement à cheval et en méditation et qui demande au plus haut degré dans le même homme, l'action et la pensée...

Nécrologie du général Hugo³

¹ Печатается по изданию: Денис Давыдов. Военные записки. Редакция Вл. Орлова. М.: Гослитиздат, 1940.

Примечания и перевод иноязычных слов и предложений, если это не оговорено в тексте или в сносках, принадлежат Д. Давыдову.

² Есть немало важных качеств и для того, чтобы в обычных обстоятельствах исполнить чужие распоряжения, и для того, чтобы в непредвиденном случае, в обстоятельствах необычных и не предусмотренных правилами, самому решить, что правильно и хорошо. *Фуа. Война на полуострове, т. IV (фр.)*.

³ ...партизанская война, исполненная таких трудностей, таких опасностей, столь деятельная, — война, во время которой всегда нужно быть на коне и в размышлении, — в высочайшей степени требует от одного и того же человека действия и мысли. *Некрология генерала Гюго (фр.)*.

І. Вместо вступления⁴

Недавно случилось мне читать записки Наполеона. Владелец сей любопытной книги ссудил меня оною на короткое время: он спешил в путь далекий, невозвратный.

Я сдержал слово и, несмотря на пролетное чтение, успел вполне насладиться и смелыми очерками, и неожиданными мыслями и выражениями, и вообще какою-то воинственною оригинальностью пера сего чудесного человека. Смело можно сказать, что Наполеон явился на сем новом для него поприще, каковым бывал он на поле брани: везде исполин мысли, везде с своим собственным, цельным характером, но — увы! — и в том и в другом случае, играя легковерием людей, он представляет им обстоятельства и события так, как хочет, чтобы они их видели, а не таковыми, каковы они в существе своем. Может быть, что в первом положении он считал на средство сие, как на самое действительное, чтобы увлекать умы за колесницею победителя. Но поэт в душе, поработанный сим увлекательным воображением своим, он мало-помалу уверил себя в истине всех ложных сказаний, им же самим вымышленных и для заблуждения других обнародованных. Так Руссо любил идеальную Юлию, как существо живое, его любившее; так пламенный Тасс уверился, наконец, что битвы под стенами Иерусалима происходили не иначе, как они изображались в бессмертном его творении.

Я могу ошибаться, но правдоподобность на стороне моего мнения: смотрите, как решительно, с каким нетерпением, можно сказать, с какою досадою Наполеон опровергает в запусках своих неоспоримые доказательства и деяния, всему свету известные!.. Притворство не имеет подобных порывов. Впрочем, какая бы ни была причина неосновательным описаниям, разбросанным по сей сокровищнице военных и политических наблюдений, — причина не оправдывает следствия, и мы не без удивления видим, как новый историк, опровергая и уничтожая

⁴ Напечатано было особо в 1825 году под названием: «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона». Я полагаю, что сему разбору лучшее место здесь; впрочем, я много к оному прибавил.

Д.В. Давыдов. Литография В. Бахмана

описания подвигов тех войск и военачальников, которые против него сражались, касается наконец и до службы русских партизан.

«Ни один больной, — говорит он, — ни один отстранившийся, ни одна эстафета, ни один подвоз не были взяты в течение сей кампании от Майнца до Москвы. Не проходило дня без получения известия из Франции; не проходило дня без того, чтобы Париж не получал писем из армии»⁵.

Потом, четырнадцать страниц далее, он говорит: «Во время движения на Москву он никогда не имел в тылу своем неприятеля.

Во время двадцатидневного пребывания его в сей столице ни одна эстафета, ни один подвоз с зарядами не были перехвачены, ни один почтовой укрепленный дом (таковой находился на каждом посту) не был атакован; артиллерийские подвозы и военные экипажи дошли беспрепятственно»⁶.

И, наконец, семь страниц далее, опять обращается к тому же предмету и повторяет: «Во время Аустерлицкой, Йенской, Фридландской и Московской кампаний ни одна эстафета не была перехвачена, ни один обоз с больными не был взят; не проходило ни одного дня, чтобы главная квартира не получила известия из Парижа»⁷.

Слова, падшие с такой высоты, не суть уже шипение раздраженной посредственности, столь давно преследующей партизан наших. Это удары Юпитера; звук их может увековечиться в общем мнении, как увековечились в нем все те ложные предания, кои равнодушие людей поленилось исследовать, повторяя беспечно то, что уже было другими сказано.

Я один из обвиняемых. Честь вооружает меня против нареканий ужасных, сокрушительных, может быть, неотразимых.

⁵ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome I, page 98.

⁶ Les mêmes. Tome II, page 112.

⁷ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 119.

Но что делать? Новый Леонид, иду на громады Ксеркса! Мнение мое о партизанской моей службе не равняется с тем вниманием, коим почтили ее мои соотчичи; однако оно не упадет и до презрения. Я скажу более: я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года, но рожденным подобно тому рядовому солдату, который в дыму и в сумятице Бородинской битвы, стреляя наудачу, убил десяток французов. Как ни мало употребил он на то и знания и дарования, при всем том судьба определила его *уменьшить* неприятельскую армию десятью человеками и содействовать общему ее истреблению своим товарищам.

Так я думаю о себе, уменьшив неприятельскую армию по мере способов, предоставленных мне начальством, и способностей, данных мне природою.

В воле Наполеона налагать, в числе прочих, и на меня проклятие за пролитую кровь его воинов; но не отнимай он у меня дел моих, не стирай с сабли моей кровавых обрызгов, сих отпечатков чести, купленных мною трудами и ежеминутною жертвою жизни... Это моя собственность; это мой участок в славе земляков моих, тем для меня драгоценнейший, что он один возвышается на моей жизни, бесплодной в своей юности и в преклонности своей ничего для честолюбия не обещающей! Но какой избрать способ к защите сей собственности? Предать известности эфирные строки моих собственных записок в надежде, что они затмят во мнении людей неизгладимое начертание чрезвычайного человека, было бы верх дерзости, смешной и бесполезной; да и кто возьмет на себя труд читать описание, поступившее в область вымыслов с тех пор, как клеймо отвержения горит на каждом листе его?

Опровергнуть падшие на партизанов наших нарекания доказательствами, которые были бы основательнее нареканий?

Постараемся отыскать их в бюллетенях французской армии, как известно, самим Наполеоном сочиненных; в «Монитере», в сем единственном официальном журнале французского правительства; в письмах маршала Бертье к начальникам корпусов большой армии; в отбитых у неприятеля бумагах, хранящихся в главном штабе государя императора, и в тех описаниях

русской кампании, коих сочинителей нельзя упрекнуть в страсти к нашему войску.

Отыскав документы сии, представим тогда и собственные записки.

Наполеон говорит: «Во время Аустерлицкой, Йенской и Фридландской⁸ кампаний ни одна эстафета не была перехвачена, ни один обоз с больными не был взят; не проходило дня, чтоб армия не получала известия из Парижа».

Правда, что в кампаниях Аустерлицкой и Йенской мы не слыхали ни об одном партизанском покушении. Я полагаю, причиною сему бездействию — оцепенение австрийских и прусских военачальников от понесенных ими решительных поражений при самом открытии обеих кампаний. Оцепенение сие столь сильно охватило самые твердые души, что сам Блюхер, подобно прочим прусским генералам, не постыдился положить оружие в Радкове, имея под командою свою сверх тридцати трех баталионов, пятьдесят четыре эскадрона, с которыми он мог, видя беду неминуемую, броситься к Гамбургу или Лауэнбургу и, перейдя Эльбу, долго наносить неприятельской армии чувствительные удары партизанской войной. Я уверен, что будь отсрочка Йенскому сражению на столько времени, сколько нужно было, чтобы прусское войско несколько приобыкло к разнообразию военных случайностей, то не только Блюхер, но и генералы, менее его одаренные мужеством и духом предприятия, и они обратились бы к сему последнему средству погибающей храбрости и извлекли бы из оногo неожиданную пользу для отечества. Как бы то ни было, но слова Наполеона насчет кампаний Аустерлицкой и Йенской, относительно к партизанскому действию, справедливы и не подлежат ни малейшему возражению.

Нельзя того же сказать о так называемой им Фридландской кампании (что мы называем кампаниею 1807 года в Восточной Пруссии).

С самого начала сей кампании русская армия встретила неприятеля с твердостью. Под Пултуском она отразила часть

⁸ Я с намерением выпускаю слово *и Московской*, дабы особо говорить о сей кампании.

Наполеоновой армии и отступила потому только, что битва с нашей стороны произведена была не на той точке, где следовало произвести оную. Главные силы французской армии обращены были тогда не на Пултуск, а стремились из Плоцка и Торна и угрожали громадами своими правый фланг нашей армии, находившийся у Голомина и Макова. Следственно, как при успехе, так и при неудаче нам нельзя было оставаться у Пултуска, еще менее — преследовать к Варшаве французские войска, отраженные при Пултуске. Малейшее замедление, малейший шаг вперед вдоль границы Восточной Галиции, тогда принадлежавшей Австрии, вовлекли бы нас к потере сообщения с Россиею или к необходимости нарушить границу нейтрального государства. Рассуждение сие решило Беннигсена к немедленному отступлению и к переносу театра войны в Старую Пруссию — к направлению ошибочному и кое-как исправленному перехватом курьера Наполеона к Бернадоту, коего армия наша преследовала уже к Торну сосредоточением при Янкове и сражением при Прейсиш-Эйлау — битвой упрямой, но нерешительной, после коей каждая сторона хвалилась победой: мы — потому, что удержали поле сражения, французы — потому, что после боя российская армия отошла к Кёнигсбергу.

Итак, победа французов при Фридланде есть единственная победа неприятеля в сем походе; но прежде сего несчастного для нас события мы имели время частными сшибками приучить легкие войска наши к военным случайностям. Около полугода сряду продолжалась школа сия. Нечаянные успехи поощрили к обдуманному. Наконец размышление, соединенное с отвагою, наблюдения, опытность и навык довели нас до некоторых предприятий в истинном смысле партизанской войны. Но предприятия сии, быв плодом частных вдохновений и порывов, а не соображения главного начальства, совершались еще, так сказать, на выдержку и без связи между собою. Далеко им было до того, чтобы составить целое и идти дружным натиском к общей решительной цели, ибо и самая цель сия не была еще известна ни начальникам, ни наездникам нашим.

Спустя долгое время, после разрушительных неудач в недрах России, когда гибель отечества напрягла умственные

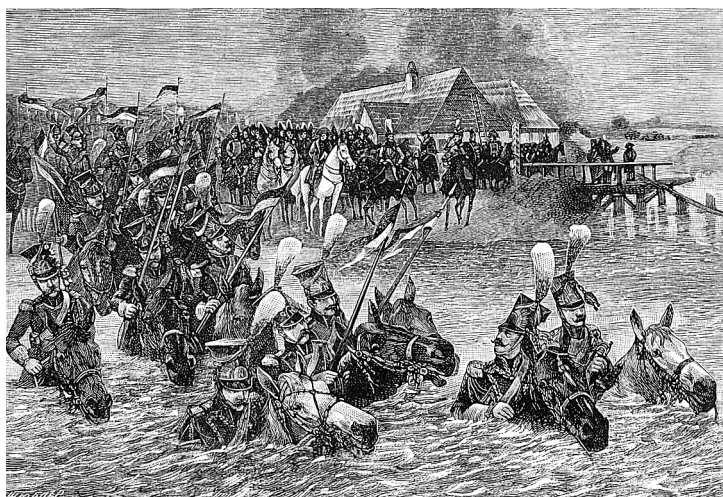
и существенные силы наши к его спасению, — тогда только удостоверились мы в большей или меньшей пользе, могущей произойти от согласного действия легких войск, в партии устроенных, на сообщения наступательной неприятельской армии, — по мере большего или меньшего протяжения сообщения ее со средоточием ее средств и запасов.

Итак, соглашаясь в том, что партизанские наезды, произведенные в кампании 1807 года, были чужды влияния высшего начальства и, следственно, и взаимного между собою согласия в достижении цели, тогда неизвестной, я не могу согласиться в том, чтобы наездов сих вовсе не было! Бюллетени и «Монитор» — архивы истины относительно признания в неудачах французской армии — возопиют на несправедливость мою! Да и самые записки Наполеона, оценивая для точнейшего определения важность одной из перехваченных депешей в сей кампании, представят нам собственные слова его, весьма справедливо изображающие бедственное положение, коему подверглась бы армия наша, если б депеша сия дошла до своего назначения. Между тем они принесут нам и другую услугу: в них мы увидим явное противоречие удостоверению, в той же книге изложенному, и которое я оспариваю.

Начнем с записок, а потом приведем в свидетели «Монитор» и бюллетени.

«После сражения при Пултуске, в декабре 1806 [г.], командовавший российской армиею генерал Бенningсен выступил к нижней Висле с тем, чтобы напасть на маршала принца Понте-Корво (Бернадота), занимавшего Эльбинг. Наполеон оставил Варшаву 15/27 января 1807 [г.], сосредоточил армию в Вилленберге и двинулся на левый фланг русских в намерении опрокинуть их на Фриш-Гаф. Снег и лед покрывали землю. Беннингсенова армия находилась в крайней опасности; уже французская армия достигла до тыла оной, как вдруг казаки схватили офицера Главного штаба принца Невшательского (Бертье). Взятые на нем депешы известили о движении. Беннингсен, испуганный, поспешно стянулся к Алленштейну»⁹ и прочее.

⁹ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 55.

*Вступление Наполеона в Россию.
Гравюра с картины Я. Желовского*

*Сражение при Бородине, 26 августа 1812 г.
Д. Скотти, 1883*

Вот что объявлено о том же в «Монитере»:

«Французская армия еще не трогалась с места. Все другие корпуса оставались в своих квартирах в совершенном обезопасении.

Она медлила для того, чтобы действие неприятеля более обрисовалось, и боялась малейшим движением обратить внимание его на бедствия, коим он подвергался.

Между тем движение русских прояснялось каждый день более и более. Они прошли Остероде и вступили в Лебаву. Тогда по сигналу, поданному во французской главной квартире, войска поднялись и совокупно устремились на левый фланг неприятеля в намерении зайти ему в тыл. Но на войне встречаются обстоятельства, не подвластные расчетам. Офицер, принадлежавший Главному штабу, послан был к принцу Понте-Корво с описанием движения войск французской армии. Начальник Главного штаба извещал принца о намерении императора и предписывал ему отступить до самого Торна, дабы заманить далее неприятеля. Офицер сей был схвачен казаками и не успел разорвать депеши своей. Итак, российский генерал узнал заблаговременно об опасности, которая постигла бы его сорока восемью часами позже. Сие способствовало ему прибыть 3-го февраля (22-го января) со всею армиею в Алленштейн и встретить в боевом порядке шедшую по сему пути французскую армию. Такое обстоятельство показалось неизъяснимым. Тайна открылась на другой только день, когда узнали, что посланный офицер был взят неприятелем и не успел сжечь депеши»¹⁰.

«Монитор» заключает статью сию повторением: «Он (неприятель) был бы истреблен, если бы офицер, посланный с депешами к принцу Понте-Корво, сжег оные, ибо все было так разочтено, что неприятель не прежде сорока восьми часов мог известиться о том, о чем узнал по сим депешам. Российская армия избегла гибели посредством одного из происшествий, которые представлены случаю, дабы напоминать людям, что он вмешивается во все соображения, во все события и что если решительные удары, истребляющие армию

¹⁰ «Moniteur» de 1807.

І. Вместо вступления

и преобразующие ход кампании, суть плоды опытности и гения, то не менее того они нуждаются и в его содействии». Таковой курьер стоит ста эстафетов, часто привозящих известия о сплетнях парижских актеров или о пустословии Брутов — болтунов Пале-Рояля.

В течение сей кампании были взяты и другие курьеры, между коими находился и известный императорский ординарец Монтескью; но так как о них не было упомянуто в официальных бумагах, то и я о них умалчиваю.

Относительно же больных известно, что при нападении на корпус маршала Нея, 24-го мая (5-го июня) при Гутштадте и 25/6 при Анкендорфе, не только больные сего корпуса, но и обозы, парк, канцелярия и собственные экипажи маршала достались в добычу казакам Платова, переплывшим чрез Алле, а потом и чрез Пассаргу. В доказательство тому, что они действовали в тылу неприятеля, служит 78-й бюллетень французской армии, в коем сказано о деле при Анкендорфе: «Наш урон состоял в ста шестидесяти человеках убитых, двухстах раненых и двухстах пятидесяти взятых в плен. Большая часть последних были схвачены казаками, которые поутру, прежде атаки, пришли в тыл армии». 78-й бюллетень, 31-го мая (12-го июня) 1807 года, Гейльсберг¹¹.

Из сего видно, что отряд Платова, составленный из десяти казачьих полков, Павлоградского гусарского, 1-го егерского и двенадцати орудий конной артиллерии, прежде атаки еще пришел в тыл четырнадцатитысячному корпусу, внезапно атакованному с трех сторон восьмидесятитысячною армиею. Спрашиваю всякого истинно военного человека: мог ли Платов не похитить все то, что находилось на самом удобнейшем месте для похищения? И впрямь, если уже там взяты все при корпусе находившиеся важнейшие бумаги, кои доньше хранились у генерала Беннигсена, если, по сказанию самого бюллетеня, там же взяты и двести пятьдесят здоровых солдат, то каким же способом могли избежать той же участи транспорты

¹¹ Ложное показание. В сей день взято шестьдесят офицеров, тысяча пятьсот рядовых и два орудия: одни казаки взяли пятьдесят пять офицеров и семьсот пять рядовых.

больных? Их перемещать было не легче самих артиллерийских парков и провиантских фур, которые, не имея времени от внезапной атаки убраться заблаговременно в отдаленное и безопасное место, попались также в руки летучему корпусу атамана.

Впрочем, зачем привязываться к словам? Намерение Наполеона очевидно: говоря о беспрепятственном ходе эстафетов и о неприкосновенности до больных его, он не столько имел в виду и эстафеты и больных, как доказательство, что в течение сей кампании все затыльные части его армии были недоступны и что на них войска наши ничего не отбили. Вот сущность обвинения. Итак, прибавим к сему следующее.

В одном из бюллетеней сказано: «Генерал Виктор (он командовал тогда вторым корпусом большой армии) проездом в Штетин был с адъютантом своим схвачен партией, производившей в той стране поиски и состоявшею в двадцати пяти гусарах». 53-й бюллетень, 10-го (22-го) января 1807. Варшава.

В другом: «В стороне Вилленберга три тысячи русских пленных были освобождены партией, состоявшей в тысяче казаков». 60-й бюллетень, 5/17 февраля 1807, Эйлау. Тут нужно замечание: пленные сии были освобождены не казаками, а Киевским драгунским полком, командуемым тогда генерал-майором Львовым. Генерал сей послан был для сего предмета из отряда Седморацкого, занимавшего Иоганисбург. Он пришел в тыл французской армии во время движения оной к Прейсиш-Эйлау и, отбив в окрестностях Вилленберга не три тысячи русских, а до пяти тысяч русских и прусских пленных, веденных из армии в Варшаву, невредимо возвратился с ними в Иоганисбург.

Если этого не довольно, то вот еще случай, служащий мне сильнейшею подпорою:

13/25 января Бернадот разбил авангард наш под Морунгеном и до глубокой ночи преследовал оный к Либштадту, не забываясь о первом местечке, оставшемся в тылу победительного корпуса и прикрытом самым наступательным движением оного. К несчастию французского маршала, того же числа к вечеру прибыли в село Лоокен полки: Сумский гусарский и Курляндский драгунский, командованные тогда — первый графом

Петром Петровичем Паленом, а последний флигель-адъютантом князем Михаилом Долгоруким. Приметья, что пушечный гул более и более подвигается к Либштадту, Пален счел за стыд оставаться в бездействии тогда, как другие дерутся, и рассудил самовольно пуститься в тыл французского корпуса. Между тем, дабы не оставить занятый им пункт, который мог входить в состав дальнейших предназначений главного начальства, он к отважности соединил и благоразумие, взяв из всего отряда только три эскадрона драгун и два эскадрона гусар, с коими помчался на Экерсдорф и Гимельфорт и прибыл в глубокою ночью к Морунгену, упраздненному от войск, но заставленному тяжестями французского корпуса. Пален и Долгорукий немедля ворвались в улицы и разбудили острием и выстрелами стражу корпусной квартиры, покоившуюся под покровом победы. Все, что ни находилось в Морунгене, все попало в руки эскадронам нашим, так что 15/27 числа, когда Бернадот, вследствие наступательного на него движения всей нашей армии, возвратился с корпусом своим в Морунген, то не нашел в нем ничего, кроме одних мертвых тел, изрубленных повозок и носимых ветром бумаг его канцелярии. От карет и верховых лошадей до последней рубашки Бернадота — все досталось в добычу предприимчивым исполнителям сего подвига¹².

Сим мог бы я заключить возражения насчет кампании 1807 года; но справедливость требует, чтобы я не умолчал и о собственном нашем неумении извлечь всю пользу, которую представляли нам огромные полчища, прибывшие в армию с берегов Дона, Кубани и Урала. И подлинно, за исключением ударов, мною упомянутых, из коих только два принадлежат казакам, вся служба их ограничивалась содержанием передовой стражи и действием на одной черте с линейными войсками, — действием совершенно разнородным с их склонностями, оковывающим и подвижность, и сноровку, и хитрость — сии главные качества всякого воинственного народа, коего методические уставы не заключили еще в графы европейского однообразия.

¹² Сущность дела взята из донесения главнокомандующего государю императору; некоторые подробности его собраны мною на месте сражения.

Отряд атамана Платова состоял, как я уже выше сказал, в полках: десяти казачьих, одном гусарском, одном егерском и в двенадцати орудиях конной артиллерии. Какое было назначение оному отряду?

До марта месяца он находился в авангарде главной армии. От 1-го (13-го) марта до 24-го мая (5-го июня) он составлял при Пассенгейме связь главной армии с корпусом, действовавшим на Нареве, а потом, до Тильзита, он не выходил из состава боевой линии той же главной армии. Какая произошла из этого польза? Никакая или весьма скудная! Казачье войско било, было бито, нападало, отступало и, наконец, отступило до Тильзита вместе с прочими войсками армии... Но, боже мой! Какое представлялось ему поле для развития его природной удали!

Если бы во время движения французской армии от Вилленберга через Алленштейн и Ландсберг к Прейсш-Эйлау большая часть казачьих полков была оставлена на правом берегу Алле, между Зебургом и Гейльсбергом, для действия партиями на тыл неприятеля, как сие сделал генерал Львов с одним драгунским полком...

Если бы впоследствии, вместо того чтобы в окрестностях Пассенгейма заниматься около трех месяцев пустыми перестрелками с новонабранными польскими войсками, параллельно против них стоявшими около Инденбурга, казаки наши, разделяясь на партии, предприняли бы поиски, с одной стороны, между Гогенштейном и Гилленбургом на сообщение главной французской армии с Торном, а с другой через Хорцелен и Присниц на сообщение корпуса Массены с Варшавою...

Если бы во время наступательного движения французской армии на Гейльсберг казачьи полки двинуты были от Гейльсберга через Гутштадт вдоль левого берега Пассарги на Морунген, Прейсш-Голланд и Мюльгаузен и, наконец, если бы во время отступления нашей армии от Фридланда к Тильзиту означенные полки, отойдя к Гердауэну, вдруг ринулись бы оттуда через Фридланд к Кёнигсбергу...

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему делу. Действуя в совершенном смысле партизанской войны, в земле, с нами союзной и против конницы усталой и неспособной,